

Чуские чиновники, естественно, хотели, чтобы делегация Восточного У проявила покорность, заставив старшую принцессу совершить государственный ритуал. Принцесса Яньцинъ же сказала:

— Наши государства близки, как братья. По старшинству, император Чу — как мой дядя.

С лёгкой улыбкой она слегка присела, совершив лишь половину семейного ритуала.

В императорском дворце Чу уже давно не было императрицы, и после официального приёма принцессу пригласила на вечерний банкет наложница Жун. Во время банкета она выпила несколько бокалов, и на её щеках появился лёгкий румянец. Наложница Жун, по указанию императора, отправила свою доверенную летописцу Цзи передать принцессе Яньцинъ:

— Не желает ли принцесса совершить семейный ритуал и перед наложницей Жун?

Таким образом было решено, что принцесса Яньцинъ выберет себе жениха в Южном Чу.

На город опускался дождь, и повсюду слышался шум ветра. После инцидента в Зале Зелёного Бамбука князь Цзинчэн начал активно принимать чиновников и, вопреки обыкновению, пригласил в своё поместье известных учёных и мудрецов столицы в качестве своих советников. Император Чу не вмешивался. Князь Цзинчэн только начинал проявлять свои амбиции, и его пока нельзя было сравнивать с князем Шоушанем, который готовился к этому годами. Однако заставляло задуматься отношение императора. Императору было чуть больше пятидесяти, и он был в хорошем здоровье, так что мог править ещё четыре-пять лет. Если император и дальше будет благосклонен к князю Цзинчэну, князь Шоушань, вероятно, потеряет шансы на трон.

Общение с принцем и принцессой — это то, чего Лэ Юй не должен был и не хотел делать. Тем более теперь, когда принц начал активно бороться за трон.

В то время как Гу Сань был полностью погружён в политические интриги, Лэ Юй уже давно не посещал Двор Весенних Ароматов, предпочитая проводить время на лодке с Не Фэйлуань, выпивая и развлекаясь, или играя в кости и шахматы с Чуньбао. Он был человеком без предрассудков, и для него игра была интересна только тогда, когда был шанс как выиграть, так и проиграть. Иногда они оба оказывались с приклеенными к лицу бумажками, что вызывало смех у Не Фэйлуань.

Лишь когда Не Фэйлуань сообщила, что после прибытия в Цзиньцзин Цэнь Мухана, защищавшего принцессу Яньцинъ в Циньчжоу, в столицу также прибыл Пэй Шигу, единственный ученик «Святого литературы» Хэ Тайси, который когда-то сватался к генералу Нин и был известен как «Безумец цитры», а также Вэньжэнь Чжаохуа из Обители Цветочного Меча в Западном Юэ, который отправился в путь несколько дней назад и скоро прибудет, Лэ Юй наконец протрезвел и отправился в Гильдию морской торговли.

Гильдия морской торговли находилась на юге города, среди усадеб и особняков богатых купцов. Она принимала торговцев из Ланьна, Сингалы и даже далёкой Персии. Некоторые торговцы напрямую продавали свои товары острову Пэнлай, связанному с Гильдией, другие, не

торгующие с островом, с помощью Гильдии разгружали свои товары, оставляя караван в Гильдии, чтобы дождаться продажи, а затем закупить местные товары и отправить их обратно на родину для новой сделки.

Продажа товаров целого каравана обычно занимала минимум двадцать дней. Торговцы из соседних стран, прибывающие по морю, уже привыкли оставлять свои товары в Гильдии для продажи, а затем рассчитываться за них. Те, кому требовалось долгое путешествие, чтобы добраться до Центральных равнин, чаще всего оставались здесь на несколько месяцев, чтобы познакомиться с местной культурой.

Гильдия морской торговли начала разрастаться, когда Лэ Юй взял на себя управление. Лэ Сяньюй перестала заниматься делами, когда ему было семнадцать-восемнадцать лет. Лэ Юй был известен своими нестандартными идеями, а на острове Пэнлай было много людей, внимательных к деталям и осторожных. В результате Гильдия, которая поначалу казалась небольшим предприятием, быстро разрослась. Через три года он попросил старого управляющего, который, несмотря на возраст, продолжал служить семье Лэ, стать президентом Гильдии. На поверхности Гильдия не имела особой связи с островом Пэнлай, и он использовал титул президента, чтобы освободить Вань Хайфэна от обязанностей слуги семьи Лэ, сделав его гостем. Старый управляющий больше не должен был заботиться о семье Лэ, и даже наставлял своих трёх сыновей служить семье Лэ. Три поколения семьи переехали в Цзиньцзин, став богатыми землевладельцами, окружёнными слугами и живущими в роскоши.

Служанка провела Лэ Юя в дом, но, увидев его простую одежду, проявила пренебрежение, так как все слуги в доме Ваня были одеты в роскошные наряды, с браслетами на запястьях и жемчужинами на носках туфель. Интерьер дома был чрезвычайно богат, с красными дверями и окнами, затянутыми зелёным шёлком. На широкой кровати из красного дерева лежали меховые покрывала. Вань Хайфэн, опираясь на трость, вышел и уступил Лэ Юю почётное место, собираясь поклониться, но Лэ Юй остановил его:

— Я уже много раз говорил, старик Вань, вам не нужно кланяться мне.

Вань Хайфэн сказал:

— Я ждал островного владыку несколько дней.

Лэ Юй ответил:

— Я пришёл не по важному делу, просто хочу задать вам один вопрос. Моя мать...

Его голос дрогнул, и он, привыкший к беззаботной жизни, вдруг почувствовал себя неуверенно. Он сделал паузу и продолжил:

— Мать уже умерла, не так ли?

Вань Хайфэн с недоверием посмотрел на Лэ Юя, а затем вздохнул:

— Мать знала своего сына лучше всех, она не ошиблась.

Затем с трудом спросил:

— Как вы это поняли? Неужели три года назад, когда вы отправились на гору Сяофу, мать отказалась вас видеть?

Лэ Сяньюй умерла четыре года назад, проведя полгода в даосском храме. Старые слуги острова Пэнлай, опасаясь, что Лэ Юй не вынесет горя, а также беспокоясь о том, что остров потеряет покровительство гроссмейстера и станет объектом зависти, по указанию Лэ Сяньюй создали видимость, что она всё ещё жива. Когда Лэ Юй поступал не так, как следовало, кто-то подражал её почерку и тону, чтобы отчитать его.

За несколько месяцев до смерти она чётко распорядилась своими делами. Старые слуги, служившие семье Лэ со времён её отца и деда, плакали, но она сказала:

— Вам не нужно скрывать это от этого маленького негодяя.

Её голос был спокоен, но в то же время звучала лёгкая досада и гордость:

— Всё равно не скроете.

Изучая законы неба и земли, постигая тайны творения, она стала гроссмейстером. Но даже гроссмейстеры не могут избежать угасания. Чтобы преодолеть уровень гроссмейстера, с древних времён требовалось либо получить бескорыстное наставление от другого гроссмейстера, либо пережить небесное явление, внезапно почувствовав силу неба и земли. Она родила сына в девятнадцать лет и полностью посвятила себя боевым искусствам. Через десять лет, взойдя на высокую гору во время лунного затмения, она почувствовала озарение и, стоя на краю пропасти три дня, преодолела последний барьер. С тех пор её сердце было свободно, и она достигла состояния «Великого Забвения» из Сутры Истинного Удовольствия.

Ещё через десять лет она начала испытывать угасание гроссмейстера. Её чёрные волосы начали седеть, и тело, которое с детства было прохладным и не знало пота, снова начало потеть от жары. Она знала, что её конец близок, и уехала с острова Пэнлай, уединившись в даосском храме на горе Сяофу в Восточном У, где спокойно ждала своего часа.

Лэ Юй отправился искать её. Он всегда мог узнать, где находится его мать. Он прибыл с большой свитой, как будто на прогулку. Но Лэ Сяньюй отказалась выйти.

Её материнство всегда было странным, она поступала по-своему, считая, что жизнь — это временное пристанище, и их связь как матери и сына уже завершилась, поэтому нет нужды искать её.

Лэ Юй просил лишь увидеть её, но она сказала:

— Я постигла Великий Путь, отныне Путь — это я. Путь — в пылинках, в горах и морях, в облаках и солнце. Если ты хочешь увидеть меня, смотри на пыль — это я, смотри на горы — это я, смотри на воду — это я, смотри на облака и солнце — это я.

Она наотрез отказалась видеть своего единственного сына, и Лэ Юй не стал настаивать. Перед храмом, на краю пропасти, он встал на колени и спокойно сказал:

— Мать родила и вырастила меня за двадцать три года. Если вы решили, что наша связь закончена, я могу только вернуть вам вашу заботу, стоя здесь день за год.

Никто не мог его отговорить, и он простоял так двадцать три дня, после чего повернулся и ушёл, больше не ища её.

Вань Хайфэн думал, что Лэ Юй ничего не знает, но тот уже давно понял, что мать умерла, поэтому, когда Гунсунь Цичоу говорил, что Цици в конце концов убьёт свою мать, он не беспокоился. Лэ Юй сказал:

— С тех пор как Сяньсянь упала с горы и потерялась в горах, а мать не стала её искать, я понял.

Его сердце разрывалось от боли. Раньше он мог утешать себя тем, что у него ещё есть родные, но теперь он стал сиротой без отца и матери. Переполненный скорбью, он вдруг улыбнулся и сказал тем же тоном, что и его мать:

— В этом мире только смерть может разделить великого мастера меча и его меч.

Он понимал, что с матерью уже произошло прощание, поэтому молча стоял перед ней двадцать три дня, заменяя этим все слова, которые обычно произносят при прощании. Семья Лэ всегда славилась тем, что женилась только на одной женщине и имела только одного ребёнка. До Лэ Сяньюй все поколения были счастливыми парами, и хотя дети с детства жили отдельно от родителей, они всегда ценили друг друга. Возможно, это было связано с тем, что с самого детства они изучали Сутру Истинного Удовольствия, и для них отношения с людьми и делами были таковы: если они подходят, то остаются, если нет — уходят, или приходят по желанию и уходят, когда желание иссякает.

<http://bllate.org/book/15272/1348071>